

В. С. Кусов,
преподаватель МГУ

Карта Москвы

Среди создающихся картографических произведений определенное место занимают и ретроспективные карты и атласы, отображающие важные исторические события, уровень развития территории на ту или иную эпоху в прошлом. Обычно эти произведения называют историческими картами, а для их составления используют широкий круг исторических источников. Среди последних ведущее место принадлежит именно картографическим произведениям, но картам констатирующим, созданным в тот период, в ту эпоху, на которую в настоящий момент составляется ретроспективная или историческая карта.

Если с поиском исходных источников на XVIII—XIX вв. дело обстоит достаточно ясно, то на период до 1700 г. до самого последнего времени картина была весьма туманной ввиду полной неизученности древнерусского картографического наследия. Лишь в самые последние годы удалось выявить и описать 935 русских географических чертежей, составленных в XVI—XVII вв. Среди них почти 100 отображают территорию Ближайшего Подмосковья для Москвы второй половины XVII столетия, а ныне Большой Москвы в пределах между Московской кольцевой автомобильной дорогой и Садовым кольцом.

Идея создания исторической карты на территорию современной Москвы на эпоху XVII в. неоднократно привлекала внимание целого ряда исследователей, однако ввиду недостатка источников оставались неизвестными не только десятки природных объектов с топонимами, но и значительное число населенных пунктов. Итак, на сегодня мы располагаем достаточным фондом документальных источников для составления карты общепринятой полноты — около 20 объектов с топонимами на один квадратный дециметр площади изображения. Кроме выявленных чертежей, о чем частично сообщалось ранее [1], на заданную территорию имеется и 15 писцовых книг, датируемых последней четвертью XVII в. На географических чертежах (94 единицы) содержится 216 объектов с топонимами, треть которых названия пустошей; тексты 15 писцовых книг позволили выявить почти 400 топонимов, из которых более половины названия пустошей.

Используя данные писцовых книг и рус-

ских чертежей, впервые удалось реконструировать, восстановить графически положение границ 88 землевладений. Имея длины отрезков и зная характер из расположения относительно местных урочищ, принципиально возможно с циркулем в руках «вогнать» окружную межу в ложе гидрографии и рельефа. Приведем в качестве примера фрагмент описания межевой границы вотчинных земель Новодевичьего монастыря села Кокорева, Бусино тоже из писцовой книги 1688 г., составленной стольником Семеном Васильевичем Готовцовым и дяком Семеном Васильевым: «У речки Хинки на берегу столб, вверх вращком 105 саж., 62 саж. до большой Тверской дороги, через дорогу 110 саж., немного налево 112 саж., немного налево 180 саж., направо круто 137 саж., налево круто 130 саж. — налево земли деревни Тимофеевки, направо земли сельца Оксиньина да пустоши Микиткиной. От тех ям мало налево 142 саж., налево 61 саж., по краю болотца 117 саж., направо круто 109 саж. на вражек, тем врагом 305 саж. до речки Лихоборки, налево круто речкою Лихоборкою по воду пополам 300 саж. — налево земли Новодевичьего монастыря, направо села Ховрина...» [2].

Как видим, особенность полевых работ при межевании на Руси в XVII в. заключается в том, что прямолинейные участки окружной межи — замкнутого многоугольника, являющегося границей землевладения, измеряются достаточно строго, с точностью до сажени, углы же при вершинах многоугольника, углы излома линии границы не измеряются вовсе. Глазомерные указания типа: «направо круто» или «немного налево» и вызывают основные трудности при накладе окружной межи на картографическое изображение. Считая одну сажень XVII в. равной 2,16 м, расхождения на четких ориентирах типа устьев рек и оврагов не превосходили 2 мм в размере изображения.

Кроме двух основных групп источников — географических чертежей и писцовых книг, использованы и все другие возможные виды письменных и материальных источников-памятников. Среди них 43 сохранившихся памятника архитектуры XVII в. и старше, которые явились своего рода постоянными признаками-реперами для уточнения привязки старых изображений населенных пунктов к действительной местности. Список памятников XVII в. дополнен рядом более «молодых» зданий, сооруженных на месте старых, например церквей в селах Ховрино, Бусиново и других. Хотя определенная часть этих реперных зданий и не сохранилась, до нас дошли их картографические изображения XVIII—XIX вв. Критически проанализированы также все выполненные предшествующие исследования — картосоставительские работы Ю. В. Готье [3], И. А. Голубцова и П. П. Смирнова [4], С. Б. Веселовского [5], Н. В. Разореновой [6] и другие работы, имеющие историкогеографический характер. Среди последних необходимо выделить две работы: о Сетунском стане патриарха московского И. Е. Забелина [7] и глубокое исследование 1895 г. о Сосенском стане менее известного автора — Д. Шеппинга [8].

Хотелось бы подчеркнуть тот факт, что из всех работ прежде всего использованы привидимые в них источники XVII в. для

прямого свидетельства о наличии угодий и их топонимов. На нашей карте не нанесено ни одного топонима, который бы не присутствовал на оригинальных документах XVII столетия. Поэтому на карте отсутствует несколько топонимов, казалось бы, хорошо знакомых.

На составленной таким образом по крупным карте-схеме впервые представлен ряд топонимов, обозначающих в свое время объекты, ныне исчезнувшие: речка Норинка, дорога Пушкинская, деревня Юркино и другие. Легенда карты состоит из 18 позиций, она охватывает 260 объектов. Одна треть из них объекты природы, две трети — объекты социально-экономического происхождения: населенные пункты, дороги, границы, станы. Наряду с общепринятым характером показа гидрографической сети, дорог, административных границ впервые приводятся сведения о топографической номенклатуре населенных пунктов введением соответствующего условного знака: село, сельцо, слобода, деревня, монастырь. На составленной карте эти 5 номенклатур отображают 172 объекта: 63 села, 27 сельцов, 55 деревень, 10 монастырей.

Следует указать, что среди сведений различных источников XVII в. о номенклатурах одних и тех же объектов имеются лишь единичные случаи расхождений. В то же время, за период в 15—20 лет у 10% населенных пунктов на нашей карте сменилась номенклатура. Например, было сельцо, стала деревня и т. п., у одного объекта изменение произошло дважды. Так как на карте условные значки обозначают какую-либо одну номенклатуру, приведен вариационный ряд наших объектов на 1680-е гг. в табл. 1.

Таблица 1

Алешкино: деревня, что было сельцо
Аминьево: сельцо — село
Бирилево: деревня — сельцо
Бутыркино: слобода — село — деревня
Весвяцкое: село — пустошь
Дорогомилово: слобода — село
Николаевское: сельцо — деревня
Оксинино: сельцо — деревня
Перово: сельцо — пустошь
Печатниково: деревня — сельцо
Селятино: деревня — пустошь
Семчино: сельцо — деревня
Слободка: деревня — слобода
Тимоевское: сельцо — деревня
Топорково: сельцо — деревня
Черемوشки: деревня — сельцо
Шашебольцово: деревня — сельцо
Юркино: сельцо — деревня
Юрова: деревня — пустошь

Если характер изменения номенклатур относительно невелик и большая часть этих колебаний строго фиксируется в источниках, что является достоинством, повышающее достоверность чертежей и писцовых книг, то значительно неустойчивее характер лексических форм топонимов. Развитие территории вызывает неизбежный процесс смены топонимов независимо от смены номенклатур. В источниках XVII в. постоянно встречается это явление в виде сообщения двух или более топонимов одного объекта в сопровождении союза «тож»: «село Воронино, Богородицкое

тож», «сельцо Фуниково, Хорзуево, Ескино тож» и т. п.

По данным анализа всех русских географических чертежей союз «тож» наблюдается при 1,8% топонимов. По источникам XVII в. на территорию современной Москвы эта переменчивость названий почти на порядок выше: 13%. Весьма ярко проявляются на данной территории и другие особенности русской топонимии XVII в. Это повторяемость или многозначность: использование одинаковых лексических форм для обозначения разных объектов. Например, пять раз встречается топоним «Никольское», дважды «Косино». Высока по Москве и вариантность или неустойчивость лексической формы одного топонима в разных документах: «Остродамово-Остроганово-Астрадамово-Амстрадамово, Черемха-Черемошки-Черемошь» и т. п.

Зная административную подчиненность каждого из 88 землевладений, принадлежность его к определенному стану, впервые удалось получить надежное картографическое изображение административного деления территории Большой Москвы на 1680-е гг. Опущены все пустоши и границы отдельных землевладений. Цветным фоном показаны территории 8 станов: Васильцова, Горетова, Копотенского, Манатина Быкова Коровина, Рагуева, Сетунского, Сосенского и Чермнева. Дворцовые земли показаны без внутреннего деления на волости, об этих землях, их межевании сохранилось крайне мало материалов, так как практически полностью утрачен архив приказа Большого Дворца, где хранились эти документы.

Наиболее «слабым местом» составленной карты-схемы является внешняя граница выгонных земель города. В 19-й главе «Уложения царя Алексея Михайловича» (1649) говорится: «в выгону были около Москвы на все стороны от Земляного города, от рву на две версты, а отмерити те выгоны новой саженью, которая сажень по государеву указу сделана в три аршина, а в версте учинить по тысяче сажень». Эта формальная математическая линия границы присутствует на некоторых исторических картах в виде строгой окружности (с радиусом в 4 общепринятые версты по 500 саж.), иногда рассекая населенные пункты. В действительности любая граница землепользования существенно сопряжена с реальными угодьями и никогда не бывает правильной в геометрическом отношении. Нанесенная на нашей карте граница выгонных земель частично заимствована с карт начала XVIII в., частично получена по источникам XVII столетия.

¹ Кусов В. С. Русский географический чертеж XVII века (итоги выявления). — Вестник МГУ, география, 1983, № 1, с. 60—67.

² Центральный госархив древних актов, ф. 1209, писцовая книга № 274.

³ Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке. М., 1906, прилож. карта.

⁴ История Москвы (в 6-ти т.) Т. 1. Период феодализма. М., 1952.

⁵ Веселовский С. Б. и др. Подмосковье. Памятные места в истории русской культуры XIV—XIX веков, М., 1962.

⁶ Разоренова Н. В. Ближайшее Подмосковье в XVII—XVIII вв. — Русский город, 1979, вып. 2, с. 141—160.

⁷ Забелин И. Е. Кунцево и древний Сетунский стан. М., 1873.

⁸ Щепинг Д. Древний Сосенский стан Московского уезда. — Чтения Общества истории и древностей Российских, 1895, кн. 3, отд. 1, с. 1—74.

Виктор Астафьев,
писатель, лауреат Государственных премий
СССР и РСФСР

Несколько мыслей о прошлом и настоящем

Не моя вина, а беда в том, что я, допустим, равнодушно воспринимаю архитектуру, в том числе и древнюю, ничего не понимаю ни в церквях, ни в иконах, ни в монастырях, ни в росписях. Смотрю их и слушаю о них, и не нахожу того высокого волнующего искусства, которое заключено в творениях Дионисия, Рублева, хотя охотно верю, что приседающие перед ними с благоговейным придыхом, переходящим в шепот, искусствоведы совершенно очевидно правы, утверждая, что это не просто искусство, а величайшее из всех искусств.

Как говорил Достоевский, пусть и по другому поводу, но соответственно и применительно и к предмету моего рассуждения: «Есть такая тайна природы, закон ее, по которому только тем языком можно владеть в совершенстве, с каким родился, то есть каким говорит тот народ, к которому принадлежите вы».

И где же мне, выросшему в полудиком сибирском селе, где была одна деревянная церковь, и ту сперва приспособили под пекарню, а потом вовсе свели на дрова, раз или два бывавшему в городской церкви с бабушкой, пока непримиримо настроенные атеисты не рванули динамитом ее так, что во всех городских кварталах стекла в домах повывлетали, когда на моих глазах второй собор на нынешнем проспекте Сурикова куда только и как не приспосабливали, а в караульной часовне на горе Караульной попросту оправлялись и писали непристойности на стенах — где же и как мне было научиться восприятию мира в том виде и чувстве, как его «слышит» и «видит», допустим, художник Борис Горбунов, родившийся и выросший в городе Кириллове, возле стен монастыря, и с раннего детства, еще когда он, может, и говорить-то не мог, впитавшего все это благолепие.

Теперь-то, нынешним молодым людям, особенно подрастающему поколению, позавидовать можно. Древнюю архитектуру сегодня взялись и сохранять, и реставрировать. На моих глазах поднял свою голову Спасо-Прилуцкий монастырь, что на окраине Вологды. Стоит теперь, стройный, белоснежный — душа радуется.

В моей же молодости не было подобных примеров.

Естественно, что и в чтении я не мог «подбортнуться» к тихому Антону Павловичу, ибо рос на литературе сибиряков: Евгений Петров, Вячеслав Шишков, Лидия Сейфуллина, Всеволод Иванов, естественным путем пришел к Горькому; Бунина открыл для себя лишь в сорок лет, по независящим от меня причинам; сейчас вот кумир мой — Достоевский, начинаю серьезней вчитываться в Гоголя, Льва Толстого.

Подчас мы утешаем себя в отношении дремучей нашей отсталости, ссылаясь на прошлое страны, на безграмотность ее, радоваться и удивляться, мол, надо, что еще и столько-то знаем, ведь как и где учились-то — утешение ох какое слабое! Война сбила нас с ноги, справедливо, однако ж, это все никак не оправдывает, по-моему, наших читателей, а тем более писателей, которые не просто не знают, но исключили из обихода своего таких замечательных писателей, как Лесков, Мамин-Сибиряк, Салтыков-Щедрин, обоих Успенских, Горбунова, Гаршина, Андреева, Писемского, Слепцова, Телешова и многих-многих других, нашу дивную провинцию, которая составила бы честь иной даже европейской нации.

Дочка писателя Знаменского, по имени Оля, поступая в первый класс, дала нам «урок» языка.

Как и всякое современное, рано развитое дитя, Оля бегло читала уже до поступления в школу и «Букварь», ей купленный, тут же «проработала». И когда мы, сидя в комнате

Знаменского в общежитии Литинститута (литературных курсов), о чем-то горячо и громко заспорили, девочка остановила нашу полемику возгласом: «А я вот вам сейчас прочитаю из букваря — и вы ничего-ничего не поймете!»

И девочка прочитала: «У Калиныча в хлеву завелся хорь. Калиныч поставил в хлеву капкан. Хорь попал в капкан». «Ну как? Ничего не поняли?!» — почему-то радостно спросило дитя.

Мы и приутихли в горячем споре. В самом деле: каково-то ребенку? Городское дитя, она не знает слов: «Калиныч», «хорь», «хлев», «капкан». Не знает не только слов, но и предметов, означенных в тексте, а ее заставят зубрить этот и подобные тексты. Потом она сама выйдет в учительши (и вышла уже, наверное) и тоже заставит кого-то зубрить, да не исключена возможность, что и люди, составлявшие «Букварь», тоже не знают многих слов и предметов, означенных в нем, ведь они тоже учились языку в городе, а грамоте — по таким же вот учебникам. И получается замкнутый круг: с одной стороны незнание, а с другой стороны — поношение народного языка, ссобливо «диалектизмов» и всяких там областных словечек с неперемнной ссылкой на статью Горького против засорения литературного языка, ибо кому только не служила шитом или дубиной эта самая злополучная статья, ведь дело доходило до того, что в изданиях Детгиза вычеркивалось: «Ванька, Санька» — как слова грубые, вульгарные, «деревенские», а слово «дурак» почтительно чуть ли не матерщинным и от него редакторы валились со стула в обморок, что совсем не мешало им, однако, во время «перекура», где-нибудь в конце коридора, в глухом уголке крыть самым натуральным матом главного редактора за какую-либо оплошность или графоманов, тучами слонящихся по коридорам этого огромного, вполне приличного издательства, первым в Москве напечатавшего и сего «многочисленного аза».

Ханжество, брезгливо-барское отношение ко всему отечественному, «сермяжному» — это уже было и не раз в истории нашей, и партизаны российские во время далекой Отечественной войны не одного дворняжника российского, изысканного только по-французски, но не умеющего говорить на родном языке, порубили в «котлету», как злодея — «мусью».

Жаль, что горькие и смешные уроки истории воспринимаются у нас как-то уж слишком легкомысленно и как-то замкнуто, а вопросы языка — как что-то отстоящее в стороне от главных вопросов жизни. Ох, заблуждение-то какое тяжкое и давнее!

Вот послушаем-ка, что говорил полтора столетия назад радетель и охранитель русского языка Владимир Даль: «Нет, языком грубым и необразованным писать нельзя, это доказали все, решавшиеся на такую попытку, и в том числе, может быть, и сам составитель словаря; но из этого вовсе не следует, чтобы должно было писать таким языком, какой мы себе сочинили, распахнув ворота настежь на запад, на дев фраз и заговорив на все лады, кроме своего, а из этого следует только, что у нас еще нет достаточно обработанного языка, и что он, не менее того, должен вырабатываться из языка народного. Другого равного ему источника нет, а есть только еще притоки; если же мы в чаду обаяния, сами отсечем себе этот источник, то

нас постигнет засуха, а мы вынуждены будем растить и питать свой родной язык чужими соками, как делают растения тунейные, или прищепой на чужом корню. Пусть же всяк своим умом рассудит, что из этого выйдет: мы отделимся вовеки от народа, разорвем последнюю с ним связь, мы испошлеем еще более в речи своей, отстав от одного берега и не пристав к другому; мы убьем и погубим последние нравственные силы в этой упорной борьбе с природой, и вечно будем тянуться за чужим, потому что у нас не станет ничего своего, ни даже своей самостоятельной речи, своего родного слова.

Не трудно подобрать несколько пошлых речей или поставить слово в такой связи и положении, что оно покажется смешным или пошлым, и спросить, отряхивая белые перчатки: этому ли нам учиться у народа? Но не гаерствуя, никак нельзя оспаривать самоистинны, что живой народный язык, сбереженный в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи...

Но послушаем и современного идеолога «из оттуда», и, может, проникнемся страшной серьезностью того, что он проповедует:

«...Все назначение состоит в том, чтобы сузить границы мысли. В конце концов, мы сделаем преступление мысли буквально невозможным, потому что не останется слов для его выражения. Каждое необходимое понятие будет выражаться одним и только одним словом с совершенно определенным значением, а все побочные понятия сотрутся и забудутся... С каждым годом все меньше и меньше слов и все уже и уже границы знания. Революция будет завершена, когда язык станет совершенным. Приходило ли вам в голову, что к 2050 году, самое позднее, не останется в живых ни одного человека, способного понять разговор, который мы сейчас ведем?»

Вот так напористо, «весомо и авторитетно», а главное, уверенно, с загадом в «историческую перспективу», рассуждает фашиствующий ученый, а у нас седовласые дяди, с учеными степенями, рубахи врут друг на дружке, споря о том, что понятно или непонятно современному, особенно молодому читателю слово «кубыть», и как с этим «кубыть» быть? Включать его в словари только академические, чтоб не засорять им все остальные, или уж махнуть рукой на «чистую науку» и оставить в обиходе «кубыть», ведь у самого Шолохова встречается. И как же все-таки не надоест людям это самое «читатель не поймет». Сейчас есть категория людей, и немалая, которым слова «лажа», «бормотуха», «сачковать», «хищпеж», «бич» понятней и ближе, чем, скажем, такие древние слова, как «совесть» и «работа», так что же, писателям приседать перед ними: «Ах, вам не понятно? Простите!»

* * *

В 1963 году я переехал с семьей из города Чусового, где прожил восемнадцать послевоенных лет, в город Пермь, в областную «столицу», ближе к писательской организации, к издательству, к культуре, к библиотекам, к театру, и сразу же начал искать себе дом в деревушке. Ребята у меня подросли, в доме бы-

ло многолюдно, квартира была на шумной улице, за тонкой стеной моего кабинета с утра до ночи играл молодой пианист, решивший поступить в Ленинградскую консерваторию. Играл он до того, что у него распухли пальцы. И я поначалу его с удовольствием слушал и говорил местным леноватым писателям: «Вот у кого надо учиться работать!» Но потом или пианист заигрался, или я устал от него, но я уже не мог ни работать, ни спать, иногда мне хотелось пойти и прикончить этого подслеповатого, застенчивого парня, который, измучив себя, соседей, мать с отцом, так и не поступил в консерваторию, однако в леса меня выжил — и на том ему спасибо!

На берегу Камского водохранилища, верстах в восьмидесяти от Перми, находился тогда тихий и захолустный поселок под названием «Винный завод» (говорили, что в старину, при Екатерине, здесь будто бы курили вино), и жил на этом Винном заводе человек исключительно интересный, образованный, дружески ко мне расположенный — Борис Никандрович Назаровский, превративший деревенскую баньку в тесную, но уютную «дачу», на которой бывали когда-то его друзья: Аркадий Гайдар, Василий Каменский и всякий другой известный народ. Он-то, Борис Никандрович, бывший в ту пору главным редактором Пермского книжного издательства, и посоветовал посмотреть избушку на Винном.

Избушки в ту пору свободные там были. Я посмотрел их — хорошие, старые, уютные избушки, стоявшие по красивому заливу, на красивом месте: впереди мелководный чистый пляж, сзади сосновый бор, по широкому водохранилищу летят веселые моторки, еще редкие в ту пору, но уже начиналась туристско-разгульная стихия, и как я представил, что будет на этом симпатичном месте лет через пятьдесят, то и спросил у Бориса Никандровича: нет ли деревушки поглуше, пусть и подальше от пристаней, магазина и большой воды. Борис Никандрович ответил утвердительно, и через сосновый бор, по устланной рыжей хвоей, малохоженной тропе, увенчанной по бокам красными ягодами земляники, брусники и черно мерцающего черничника, отвел меня в деревню Быковку, где я и прожил и плодотворно проработал последующие годы и, даже переехав в Вологду, еще навещался в тот благословенный для работы уголок.

Быковка спаслась от цивилизации и дачных варваров своей удаленностью и заброшенностью, хотя она всего полтора километра от «большой воды». Где раньше текла красивая река Сылта, соединяясь с рекой Чусовой, теперь култыхалась, подмывала берега летом зацветающая, непроточная вода «рукотворного моря», как его нежно поименовали местные газеты. Да ведь и полторы версты никому неохота ходить и носить на хребте мешки с продуктами.

Быковка располагалась на холмах, среди полей и местами недорубленных лесов, по над речкой Быковкой, холодной, прозрачной, в которой водилось тогда еще много хариуса, а по перелескам и вырубам тьма-тьмущая дичи, в особенности тетеревов, гордо высились сосны, подирая небо вершинами, лиственницы, ели, пихтачки, по опушкам и за стеной этих лесов бескрайно восходили осинники на старых вырубках.

Хорошо здесь жилось и работалось. Пока

были молоды, сильны и здоровы, даже не очень смущало, что надо на себе таскать все необходимое для жизни, что нет в деревне электричества...

Из жизни все далее уходит повседневное и так необходимое в быту высокоорганизованного и сознательного существа, каким себя считает человек, — творчество. Все эти нейлоны, поролон, кожаные изделия, джинсы, водолазки, колготки, которые не всем и «к лицу», зато их не надо ни чинить, ни гладить, иные, по дешевизне, и стирать не надо; все эти машины, облегчающие быт; столовые, где невкусно кормят; бассейны, где гамузомкупаются; парки, где «стадом» гуляют; стадионы, где толпой, кучей — одни бегают, другие «болеют», «спуская пары»; моторки, корабли, «метеоры», «ракеты», многоярусные лайнеры, колоссальные магазины, дымные и шумные рестораны — все это словно бы специально создано для того, чтобы сгрудить людей, лишить их индивидуальности.

Никогда еще, никогда не был человек так несвободен и обезличен, как в двадцатом веке, в особенности в наши дни, на исходе века. Никогда еще не наваливалась на человека и так уверенно не завладевала им массовая культура. Она, массовая культура, как окопная вошь, которая грызет тело, но подтачивает душу. Человек наших дней уже не говорит, а кричит, визжит о своей свободе. Но счастье и свобода, по заверению мудрого русского классика, они, как здоровье — если их не замечаешь, стало быть, они есть, стало быть, и орать о них незачем. Правда, иные времена мутят и сами вечные истины, толкуют их вкривь и вкось, смешивая черное с белым, и достигается таким образом какая-то мутная, скорее химическая, а не нравственная истина, и обескураженный, замороченный современный поэт ошарашенно восклицает: «Счастье! Столько видов у счастья! Одним — это слава, муки творца, другим сердцами на доты бросаться, третьим расстреливать эти сердца».

Поэт этот не был на войне, не успел, но я могу его и всех его сверстников заверить, что на доты бросаться, умирать за Родину и свой народ — это печальная, пусть и понятная необходимость, а никак не счастье.

Как все-таки надо свихнуть мозги людям, чтобы не слышать кощунства в таких вот рассуждениях о том же самом счастье или идеалах, идейности, искренности, истине, свободе.

Не потеха ли?! Существо, которое не может вольно перейти улицу, а только по указке палочкой, по намеченному переходу, тротуару, дорожке, иначе его попросту задавят; существо, отправляющееся на работу и с работы по часам, которое по часам и в срок служит, справляет нужду, любит, страдает; существо, потерявшее ориентацию, заблудившееся, неосознанно смешавшее в голове понятия, вопросы нравственности. Я встречал людей, которые совершенно уверены, что в том, как они живут, и есть истинная свобода, иначе и свободней никто и никогда не жил и жить не будет — они подобны тем народцам, которые от рождения не едали молока и масла и считают, что и есть такой харч ни к чему, что баловство это и излишество.

Думаю, что «феномен», происшедший в нашей литературе и оказавший огромное влияние на смежные искусства и даже на некото-

рые умы — так называемая «деревенская проза», — это вскрик той творческой индивидуальности, которая была заложена в нашем русском народе, но так до конца и не реализована.

Я не раз бывал в покинутых деревнях, заходил в разоренные дома и, скажу по правде, ощущения во мне были почти такие же, если не более трагичные, чем на поле боя после разгрома Корсунь-Шевченковской группировки, когда из-за трупов и военной техники не было видно земли — она вся была ими завалена... В домах этих уже побывали городские браконьеры, охотники за иконами, старыми книгами и «экзотическими» изделиями деревенских умельцев. Еще и еще раз я поразился тому, как много должен был уметь крестьянин: срубить, утеплить, украсить жилище, обеспечить себя орудиями труда, уметь обходиться со скотиной и тяглом, знать погоду и причуды природы, быть хорошим воспитателем, борцом и творцом, дипломатом и хитрецом, хорошим мужем, хозяином, отцом, родичем, достойным членом деревенского общества и т. д. и т. п. Он, крестьянин, был всегда занят, всегда в заботах и работах.

Так вот, что же это мы, вчерашние крестьяне, вдруг затосковали о прошлом, запели, заныли, заголосили о родном уголке, о сельском мире? Мы ж свободны! Отбаранил свою рабочую смену, и хоть трава не расти! Правда, «свободу» эту мы не знаем куда девать, мы оказались неподготовленными к ней и ударились в разгул, в пьянство, ухватились за то, что близко лежит и без труда дается, — жуем солому — так бы я назвал массовую культуру, — да еще и облизываемся.

А ведь было, было! — твердит память. Поле надо вспахать, урожай вырастить, детей поднять, скотину беречь и желательнее поголовье приумножить, потому и трудились, и думали о труде, только о труде, а потом уж о праздниках, и песни слагали, и сказки, и пословицы о нем, о труде...

Чтобы рубаху сшить, надо лен вырастить, истрепать его, вычесать, потом нитки спрясть желательнее потоньше, потом полотно соткать, потом его раскроить, потом иголкой сшить, да так, чтоб шовчик тела не тер, не пилил, а потом узор вышить на рубахе, пусть и в одну иль в две нитки, но если с любовью, то и о две нитки узор выйдет — глаз не оторвать...

Чтобы обутки сшить, надо скотину вырастить, затем ее забить, ободрать, шкуру выделать, шерсть в дело пустить, а кожу на раскрой, на сапожки, а под каблук берестинку подложить — сухо и скрип на всю деревню...

А чтобы урожай вырастить, огородину, сено наготовить, поставить — ох, как много надо уметь, знать, стараться...

Если хвастает ребенок перед отцом и матерью, то хвастает трудами своими, плодами своих трудов — хитро вырезанной чечей (игрушкой), сшитым платицем для куклы, загнутыми санками, сколоченными грабельками, склепанным стулом, ровно застекленной рамой. Сосед перед соседом выхваляется не количеством опорожненных бутылок из-под «бормотухи», а резными наличниками на избе, рамой желобочной, кошевкой гнутой, упряжкой в бляхах, уздечкой наборной, лошадью проворной, ловкими руками, сноровкой, силушкой. А чтоб сила была, надо было кушать хорошо, а чтобы кушать — старших слушать...

И пусть кто-то спорит со мной, пусть дока-